

УДК 101. 1. 008
ББК 83+87

Т.Е.Сорокина

АРХЕТИПЫ ДУХОВНОГО ДВИЖЕНИЯ В РУССКОЙ ИСТОРИОСОФИИ

В статье рассматриваются основные положения русской историософии. Внимание в работе автор акцентирует на том, что, сохраняя «национальный архетип» в качестве ключевой проблемы, русская историософия предложила разные варианты отношения к Западу как к символу иного миропонимания. Кратко объясняются причины вхождения русской классической литературы в историософское пространство. Комментируются историософские концепции Леонтьева и Федорова, Розанова и Соловьева, подчеркивается, что эсхатология – смысловое ядро русской историософии.

Ключевые слова: *русская историософия, национальный архетип, историософская концепция, славяно-фильская доктрина, буддизм, эсхатология.*

DOI 10.18522/1995-0640-2016-1-12-19

Сорокина Татьяна Евгеньевна – докт. филол. наук, профессор кафедры журналистики Московского государственного университета культуры и искусств
Тел.: +7 926-375-08-32
E-mail: tasor74@yandex.ru

© Сорокина Т.Е., 2016.

«История русского народа есть одна из самых мучительных историй», – писал Г. Флоровский в книге «Пути русского богословия» [Флоровский, с. 46]. «Мучительная история» заставляет мыслителей оставить в стороне вопросы онтологии или гносеологии, избрав «национальное время» (прошлое-настоящее-будущее) объектом постоянных размышлений. «Русская мысль *сплошь историософична*, она постоянно обращена к вопросам о «смысле» истории, конце истории и т.п.», – отмечает В.В. Зеньковский в «Истории русской философии» [Зеньковский, с. 385]. Перечислим и кратко прокомментируем основные положения русской историософии, заметив, что «профессиональная историософия», выразившая себя в работах Данилевского («Россия и Европа») или Карсавина («Философия истории»), была всегда менее популярна, чем лаконично, афористично, «литературно» выраженные историософские концепции Леонтьева и Федорова, Розанова и Соловьева.

1. Историософская концепция «Москва – III Рим» рассматривается русскими мыслителями и как основополагающая духовно-социальная идея, и как стиль, регулирующий отношение к движению времени и смене эпох.

Практически все русские мыслители обращались к духовно-социальной ситуации XIV в., когда, вскоре после падения Византии псковским монахом Филофеем была озвучена концепция «Москва – III Рим», определившая многие события национальной истории. Как достаточно четкая концепция,

она определяет преемственность Москвы в процессе смены истинных христианских столиц: сначала был Рим Запада, потом Рим Востока – Константинополь, позже первенство оказывается у Москвы, дающей миру гарантии по защите православия и заявляющей, что «IV Риму уже не бывать». Но эта концепция еще и относительно устойчивый стиль, определяющий русское сознание, которое ставит Москву (как русский символ) в центр мировой истории, преодолевает любые формы провинциального сознания и высказывает уверенность в высокой миссии России, несмотря на все внутренние нестроения. И в событиях русских революций XX в. русская мысль обнаруживала варианты национального мессианства, сохраняющего свой потенциал и в христианской, и в коммунистической истории. «Но прогресс не есть спасение еще и потому, что он не побеждает главного врага, обесценивающего и обесмысливающего жизнь, смерть – эту страшную нигилистку, уничтожающую все ценности. (...) Мечта о Новом Иерусалиме, предчувствие спасения мира и всеобщего Воскресения и Преображения, глубоко залегла в душе и у тех, кто отвергли веру в Спасителя», – пишет С.Н. Булгаков в «Воскресении Христа и современном сознании», выявляя мессианские парадоксы антихристианского сознания [Булгаков, с. 85 – 86].

2. Славянофильская доктрина особой судьбы России, ее духовной герметичности остается самой обсуждаемой историософской идеей, переживающей самые разные трансформации.

Самодержавие (как форма истинной власти, которой дано «удерживать» антихриста от воцарения в мире), православие (как форма истинной религии, позволяющая даже в отсутствии земного счастья ощущать себя спасаемым в мире Христа), народность (как форма истинного мироощущения масс, свято хранящих и быт, и бытие) – в основе славянофильского мирозерцания, которое многое определяет в формировании русской историософии. «Движущими силами исторического процесса признаются отвлеченно-натуралистические факторы свободы и необходимости – "дух иранский" и "дух кушитский". (...) И в этом плане самое христианство включается в развитие "иранского" начала. Всю неправду христианского Запада он приводит, напротив, к восстанию "кушитского" начала, вещественного, не-духовного», – пишет Бердяев о Хомякове, в чьих писаниях славянофильская доктрина получила классическое оформление [Бердяев, с. 292]. Славянофильство – не только в признании преимуществ духовного перед материальным, русского перед европейским, православного перед католическим или протестантским. Славянофильство – мысль о неповторимой миссии России, которая собирает вокруг себя славянские народы и формирует тип мировоззрения, способный сохранить духовные жизни. Трансформации славянофильской мысли можно наблюдать в творчестве Леонтьева, Розанова, Достоевского. Соловьев, Бердяев, Мережковский – западники, но сама проблематика их основных текстов немислима без полемики со славянофильством, а иногда и без косвенного следования их идеям.

3. *Сохраняя «национальный архетип» в качестве ключевой проблемы, русская историософия предложила разные варианты отношения к Западу как к символу иного миропонимания.*

«Не горделивое спасение мира, а служение своему призванию, не “мессианство”, а миссия, путь творческого покаяния, трудовой трезвенности, переоценка, перестройка всей жизни – вот путь России, наш общий путь», – считает Г.П. Федотов («Национальное и вселенское») [Федотов, с. 449]. Эту «западную» мысль Федотова нельзя назвать органичной для большинства русских мыслителей, стремившихся к познанию (а иногда и к развитию) экстремальных позиций национальной историософии. Но не всегда Запад рассматривался как противник и «зверь» из Апокалипсиса. Были и те, кто находил общую историческую судьбу у России и европейского мира. Чаадаев лишь в западной цивилизации видел присутствие истории как феномена социально-духовного становления жизни. Соловьев видел решение самых значительных историософских проблем в преодолении границ между христианскими конфессиями, единении Востока и Запада на основе католичества. Западная активность, трансформирующая «духовное» в «материальное» и «социальное», обнаруживается даже в системе «воскресения» Федорова. Синтез русских историософских идей, предпринятый Бердяевым, также осуществляется на основе модели, интегрирующей опыт Запада. В духовном единении России и Европы, «христианства» и «язычества» (как типов культурной инициативы) видел спасение от недостатков русской истории Мережковский.

4. *Помня о современном (всемирном, а не только российском) увлечении буддийским пониманием судьбы человека и истории мира, следует сказать, что русская историософия мыслила себя в противостоянии буддийской историософской концепции.*

«В этом состоит общий и главный смысл всех его писаний: *красота есть мерило жизни, ее напряжения*; но красота не в каком-либо узком, субъективном ее понимании, а только в значении – разнообразия, выразительности, сложности. Все, что существует в мироздании, что появляется в истории, подчинено этому общему и глубокому закону, что, возрастая в жизненности своей, возрастает в обилии, разнообразии и твердости своих форм; а падая, возвращаясь к небытию, – ослабевает в формах своих, которые смешиваются, сливаются, блекнут и, наконец, исчезают, оставляя после себя могильный прах», – высказывался о Леонтьеве Розанов в работе «Эстетическое понимание истории» [Розанов, с. 124]. Леонтьевская концепция «цветущей сложности» – форма противостояния и буддийской пустотности, и демократическому «смешению», которое представлялось мыслителю неким социально-историческим апокалипсисом. Повышенное внимание Соловьева к западному архетипу истории объясняется тревожным отношением философа к усилению нехристианского Востока и особого принципа исторической пассивности. Против «буддизма» (как интуиции и стиля, отказывающихся от «деяния», от «прогресса», касающегося исторического ста-

новления) неоднократно высказывался Мережковский. «Буддийские» мотивы в практике русского православия находил Розанов, и тогда обращался к «язычеству» как к более активному и жизнеутверждающему мировоззрению.

5. Эсхатология – смысловое ядро русской историософии, которая в большей степени стремится к исходу из исторического стандарта, нежели к его позитивной модификации.

В обобщающей работе «Русская идея» об этом национальном феномене размышлял Н.А. Бердяев: «Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисийская стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядоверие и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианская религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт. Но никогда русское царство не было буржуазным. В определении характера русского народа и его призвания необходимо делать выбор, который я назову выбором эсхатологическим по конечной цели» [Бердяев, с. 44 – 45]. Возможно, это ключевой парадокс русской историософии: весьма часто кульминацией исторического развития оказывается «исход из истории». Он имеет свои специфические черты у Соловьева и Мережковского, Бердяева и Розанова, Федорова и Леонтьева, но всегда этот исход (как позитивная, утверждаемая автором идея) связан не с буддийской (пустотной), а с христианской моделью мира, предполагающей сохранение личности за пределами всех исторических циклов. Эсхатологизм – доминирующая черта русской историософской мысли.

Важно, что русские философы «серебряного века» вершиной национальной мысли считали отечественных писателей: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого. В историософских размышлениях они часто обращались к прозе и поэзии, черпая в них материал для становления философии истории. Кратко объясним причины вхождения русской классической литературы в историософское пространство.

1. Национальная художественная литература, достигшая в XIX в. всемирных высот, была воспринята русскими мыслителями как «вторая история», способная прояснить коллизии основной истории, находящей выражение в реальных, а не литературных событиях.

2. Фигурами историософского дискурса стали, прежде всего, пять русских классиков: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой. Каждый стал знаком определенной позиции, имеющей отношение к историософским проблемам: Пушкин – встреча России и Запада, поиск национальной идентичности в контакте с европейской культурой; Лермонтов – идея духовного протестантства, представляющая парадоксы русского бунта, приобретающего метафизический характер; Гоголь –

сочетание пафоса, приобретающего религиозные масштабы, и особой иронии, отрицающей внешние достижения русской цивилизации, что сказывается в постоянной гоголевской критике современного ему человека; Достоевский – воплощенная в образах идея православной историософии, предусматривающей и особое место России, и устойчивую мысль об апокалипсическом развитии цивилизации Нового времени; Толстой – художественная персонификация идеи исхода истории ради становления души, которая не имеет ничего общего ни с государством, ни с официальной религией.

3. В судьбах и произведениях русских писателей – обоснование национального исторического пути в его разных вариантах: Пушкин – явление «русской всемирности», умения и желания впитывать достижения других народов для собственного развития; Лермонтов – национальный образ европейского бунтарства, стремления к ниспровержению классических ценностей без детального объяснения деструктивной психологии; Гоголь – явление мечты о социальном преобразении России с помощью православного воспитания и образования (прежде всего, «Выбранные места из переписки с друзьями», особенно востребованные в историософской мысли), доведенной до рационального проекта; Достоевский – художественное (но и художественно-философское) обоснование своеобразия русского пути в отторжении от многих ценностей Запада, прежде всего, от католицизма, а также объяснение причин совершившихся и будущих революций; Толстой – вариант духовного, религиозно-социального развития России, с модернизацией христианского идеала, без православной Церкви и монархического устройства государственной жизни.

4. Русская философия истории, которую трудно представить без интереса к религиозной проблематике, рассматривала жизнь и творчество каждого писателя как определенную духовную модель, имеющую общественное значение и реализующуюся в историческом мире: Пушкин – художественное обоснование контактов и возможного синтеза христианства и язычества; Лермонтов – «религиозное богоборчество», обоснование духовного бунтарства, которое, возможно, совмещается с христианством, помогает выявить его сокровенный смысл; Гоголь – еще один синтез язычества и христианства (смеха, иронии и религиозного пафоса), но с окончательным выбором христианского идеала, приближающегося к идеалу монашескому; Достоевский – «диалогическое христианство», призванное доказать аристократии и интеллигенции, что бегство от религии, совершившееся в XIX в., – тупиковый путь развития; Толстой – еще один вариант религиозной проповеди с целью изменить исторический мир, но на этот раз платформой явилось не классическое христианство, а своеобразный авторский протестантизм, парадоксально сочетающий мотивы радикального смирения с мотивами не менее радикального бунта.

Русская историософия, безусловно, самобытна, но это не препятствует ее вхождению в христианский контекст. Какими бы оригинальными и не церковными ни казались историософские позиции Мереж-

ковского и Бердяева, Федорова и Соловьева, они могут быть поняты только при знании христианской модели мира, которая в русской мысли постоянно уточняется, комментируется, трансформируется, но при сохранении архетипических черт. В этом компоненте современная русская литература, стремясь к национальной самоидентификации, часто рассматривает исторические или псевдоисторические проблемы в контакте с религиозным мышлением.

Для русской литературы обращение к христианской историософии вполне органично. Но заметное влияние на литературный процесс в России, Европе и Америке оказывает буддизм – возможно, не как религиозное учение или совершенно определенная философская система, а как особый стиль, стремящийся к дематериализации потока сознания, к движению в сторону пустоты, которая должна снять все проблемы и конфликты, погрузив человека в состояние, где все дефиниции будут забыты, как будет забыт и сам путь человека, отрицаемый так, как отрицается сансара ради нирваны. У христианства и буддизма есть общие моменты в отношении к историософии. Прежде всего, это убежденность в том, что историческое бытие никак не может быть названо полноценным. Буддизм считает сансарическое существование изначальным, христианство возводит суету и страдания к грехопадению, но в обоих учениях идея исхода из истории определяет самые сокровенные надежды верующих. Самое существенное различие заключается в следующем: в христианстве, независимо от конфессиональных вариантов, очевидна мысль о том, что за пределами земного мира, в вечности сохранится память о прошлом, память об истории, и человек сохранит свою душу, останется личностью – преображенной, очищенной от греха (речь – о спасенных), но не утратившей всех связей с ушедшим земным бытием; в буддизме нирвана – образ для исчезновения, для превращения выраженного в конкретных образах потока сознания. Христианский рай – кульминация истории и одновременно ее оправдание. Буддийская нирвана – прекращение памяти, обращенной к сансаре, освобождение от колеса перерождений, заставляющего снова и снова возвращаться в «историю», чтобы пережить страдания и смерть. Христианский рай не знает пустоты. Буддийская пустотность никак не согласуется с образами Христа, Богородицы, святых, которые остаются в принципиальном согласии с мотивами своих житий, реализованных в той или иной исторической ситуации.

Итак, сохраняя «национальный архетип» в качестве ключевой проблемы, русская историософия предложила разные варианты отношения к Западу как к символу иного миропонимания. Обращение к христианской историософии вполне органично для русской литературы.

Литература

Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

Булгаков С.Н. Воскресение Христа и современное сознание // Русские философы (конец XIX – середина XX века): антология. Вып. 1. М., 1993.

Зеньковский В.В. История русской философии. Введение // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Русские философы (конец XIX-середина XX века): антология. Вып. 2. М., 1994.

Федотов Г.П. Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991.

References

Berdyayev N.A. Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoi mysli XIX veka i nachala XX veka // O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya. M., 1990.

Bulgakov S.N. Voskresenie Khrista i sovremennoe soznanie // Russkie filosofiy (konets XIX – sredina XX veka): Antologiya. Vyp. 1. M., 1993.

Fedotov G.P. Natsional'noe i vselenskoe // O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya. M., 1990.

Florovskii G. Puti russkogo bogosloviya. Kiev, 1991.

Rozanov V.V. Esteticheskoe ponimanie istorii // Russkie filosofiy (konets XIX-sredina XX veka): Antologiya. Vyp. 2. M., 1994.

Zen'kovskii V.V. Istoriya russkoi filosofii. Vvedenie // O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktyabr'skogo zarubezh'ya. M., 1990.

Sorokina T.E. (Moscow, Russian Federation)

Archetypes of the spiritual movement in Russian historiosophy

The article considers the main principles of Russian philosophy of history. The most discussed historiosophical idea, going through a variety of transformations, remains Slavyanofil doctrine of special destiny of Russia, its spiritual integrity. The author focuses on the fact that preserving «national archetype» as a key issue, Russian historiosophy offered various options related to the West as a symbol of a different worldview. Mindful of the global fascination with Buddhist understanding of human destiny and history of the world, it must be said that the Russian historiosophy presumed itself in opposition to the Buddhist concept of the historiosophical.

Briefly it is explained the reasons for the occurrence of classical Russian literature historiosophical space. 1. The national literature was perceived by Russian thinkers as the «second history». 2. Figures of historical discourse were five Russian classics: Pushkin, Lermontov, Gogol, Dostoevsky, Tolstoy. 3. The fate and the works of Russian writers of the inherent rationale of national historical path in its different variants. 4. The Russian philosophy of history, to show interest in religious issues, examines the life and work of every writer as a definite spiritual model of public importance and is being implemented in the historical world.

It is commented on historico-philosophical concept of Leontiev and Fedorov, Rozanov and Solovyov who emphasize that eschatology is the semantic core of Russian philosophy of history.

Key words: *Russian historical philosophy, national archetype, historiosophical concept, Slavophile doctrine, Buddhism, eschatology.*

Sorokina Tatyana Evgenievna – Ph. D. of linguistics, professor. Journalism dpt. Moscow State University of Art and Culture. Moscow, Russian Federation. Phone: +7 926-375-08-32; e-mail: tasor74@yandex.ru